УДК 316.422

Т. И. Грицкевич

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: taigree @yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РЕФОРМЫ: УПРАВЛЯЕМОСТЬ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Не случайно Петр Штомпка начинает предисловие к русскому изданию своей книги «Социология социальных изменений» с мысли, что «общество – необычная область реальности, поскольку его судьба в значительной мере зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы» [Штомпка, 1996. С. 9]. Возможно, человек, размышляя относительно событий, предопределивших его жизнедеятельность, не понимает всего огромного влияния потока «информированности». Однако очевидно, что он хочет понять смысл, связующий воедино то, что происходит в обществе и в его жизни.

В современной социальной философии утверждается теоретическое представление об обществе как коммуникативном процессе (Дж. Ваттимо, К.-О. Апель, Н. Луман). В последние годы исследования коммуникации и управления как явлений социальности стали особенно актуальны в связи с изучением процессов социальных изменений. Кроме того, многие исследователи отмечают, что социальные процессы в современном обществе характеризуются нестабильностью и ростом кризисных явлений в социальной динамике.

Характеризуя элементы неопределенности развития общества в переходный период, В. Банс отмечал: «Если происходят быстрые перемены во всех сферах жизни общества, если направление таких перемен вступает в непримиримое противоречие с прошлым и порывает с ним, если основные институты нового политического, экономического, социального устройства находятся в процессе становления, тогда результаты по определению явления крайне непредсказуемые» [Банс, 1993. С. 47]. Сегодня в современном российском обществе крайне трудно предсказать, каков будет результат осуществляемых правительством реформ, будет ли построена та модель новых отношений в социальных связях, общественных институтах и управлении, которая будет способна разрешить существующие кризисные явления. Несомненно, это сложный процесс, в котором присутствуют различные факторы, порождающие нестабильность и, как следствие, неопределенность в процессах управления реформированием.

Так, например, наличие гражданского общества и развитость его институтов, по признанию большинства правоведов, должны быть фактором, сдерживающим посягательства государства на сферы личной жизни человека. Однако Р. Саква обращает внимание исследователей на угрозу самой антиполитики независимого гражданского общества, созданного с целью контроля за действиями пришедших к власти новых элит. Он отметил, анализируя посткоммунистические перемены в странах бывшего соцлагеря, что «сама логика антиреволюций, предполагающая автономию гражданского общества, подрывает основы, на которых может быть построено постреволюционное политическое сообщество, и губительна не только по отношению к коммунистическому государству, но и к управлению вообще» [Саква, 1998. С. 23–39]. Восприятие гражданами любых изменений, исходящих от властвующей элиты, в переходный период характеризуется резкой негативной реакцией на посягательство изменить, преобразовать сложившиеся

ISSN 1818-796X. Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007. Том 5, выпуск 1
© Т. И. Грицкевич, 2007

социальные связи и отношения. Не случайно Л. А. Гордон определяет современное российское общество как общество «недовольных», поскольку социальная ситуация, которая была бы нормальной, с точки зрения большинства россиян, реально достижима только через 20-30 лет, когда формирующиеся социальные институты и новые отношения опосредуются и адаптируются людьми [Гордон, 1998. С. 33].

Управляемость изменений как ценность

В анализе событий современной России очень четко прослеживается несоответствие провозглашенных целей социальных изменений на начальном этапе осуществления реформ и объективно достигнутых целей в итоге проводимых реформ (пенсионной, социальной, экономической, административной). Фактически все то, что провозглашается в социальных интересах государства, на практике ведет к перераспределению общественных благ властвующей элитой. После выборов 2004 г. последовали оптимистичные заявления Г. Грефа о возможных сверхприбылях в экономике и грядущих позитивных изменениях в социальной сфере [Российская газета, 2004. № 62. С. 1, 9]. Однако сегодня общественность активно обсуждает последствия неудач пенсионной реформы так же остро, как последствия так называемой политики монетизации льгот, которая фактически лишила отдельные категории граждан имеющихся у них льгот, а на региональном уровне значительно уменьшила существующие льготы согласно Федеральному закону № 122, тем самым ухудшив социальное положение самых незащищенных слоев населения. В 2005 г. этот процесс привел к росту инфляции, и министр экономического развития Г. Греф заявлял, что в правительстве – управленческий кризис [Профиль, 2005. С. 34]. Что же ожидать от последствий признания правительством неудачи пенсионной реформы?

Все это указывает на существование достаточно серьезной проблемы в анализе социальных изменений, источником которых явились реформы – проблемы управляемости реформированием в сферах общества. Необходимо подчеркнуть, что проблема управляемости реформированием напрямую зависит от гносеологической определенности всей стратегии процесса реформирования.

Говоря об основных типах неопределенности в человеческой деятельности, В. С. Диев выделяет среди них такие, как: гносеологическая неопределенность (вызванная отсутствием достаточно релевантной информации; стратегическая (вызванная зависимостью от действий других лиц); неопределенность, вызванная нечеткостью, расплывчатостью как процессов и явлений, так и информацией, их описывающей [Диев, 2004. С. 26]. В ситуации оценки и постижения реформационных процессов в современной России налицо все указанные типы неопределенности, порождающие нестабильность и непредсказуемость процесса реформирования.

Ведь гносеологическая неопределенность порождает собой самую большую степень неуправляемости процессом. Отсюда реформируемые объекты не способны функционировать в нужном качестве и чаще усиливают кризисную ситуацию, чем ее разрешают. Поскольку системность является атрибутивным качеством социума, то нужно отметить, что и преобразуемые (реформируемые, модернизируемые, трансформируемые) объекты в социуме после изменений должны носить системно-функционирующий характер. В противном случае преобразованный объект (социальный институт, социальные отношения, связи и структурные компоненты системы общества) будет не способен самостоятельно функционировать в целостной системе, не внося дисбаланс. Наличие четкой адекватной информации определяет большую степень эффективности процесса коммуникации как основы социальности и в том числе эффективности коммуникативного действия в реформационных процессах. Можем ли мы сказать, что созданные «объекты реформирования» в России конца 90-х гг. XX – начала XXI в. обладают системным качеством? Учитывается ли при стратегическом планировании хода реформы знание о специфике динамики самой социальной структуры в России и, как следствие, о целевом назначении реформирования?

Ведь такая информация предназначена внести некоторую степень определенности в механизм управления изменениями. Задача гносеологической определенности и четкости информации описания преобразований в

современной России позволит формировать модель структуры предполагаемых социальных изменений, их динамику, а также выделять объективные цели и достигнутые результаты изменений. Современное российское общество после потрясений, резких неконтролируемых изменений остро нуждается в четком определении позиции выбора и способа изменений для практически востребованных обществом целей. Поскольку данные изменения больше обозначены официально как процесс реформирования, то необходим анализ содержания данного процесса – анализ существенных признаков реформы как знания, нивелирующего гносеологическую неопределенность. Ведь сегодня критерием реформы в энциклопедических словарях стереотипно провозглашено прогрессивное изменение в любой сфере общества не затрагивающее основ существующего социального строя [Философский словарь, 2001. С. 491; Социологический энциклопедический словарь, 1998. С. 304; Ожегов, Шведова, 1999. С. 678] . Однако, события последних 20 лет в российском обществе свидетельствуют, что реформы не являются прогрессивными, могут не просто затрагивать, а целенаправленно менять социальную структуру, служить средством усиления процессов мобильности в социальной структуре, усиливать маргинализацию населения. Это лишь подчеркивает существование гносеологической неопределенности в описании конкретных исторических событий реформирования современного российского общества как типа неопределенности, порождающего непредсказуемость конечных результатов процесса изменений.

Гносеологическая неопределенность восприятия реформационного процесса как разновидности социального изменения

Конец XX – начало XXI в. определен многими историками современности как время посткоммунистических перемен в России и странах Восточной Европы. Не удивительно, что, оценивая события, происходящие в России в последнее двадцатилетие, многие обществоведы употребляли разные философские категории (революция, модернизация, реформа, трансформация), что вызвано стремительностью и уникальностью происходивших событий. Если о событиях в России 80-х гг. исследователи пытались дать анализ в понятии «ускорение темпов экономического развития страны» и, еще смелее, в понятии «перестройка», означающем уже качественное изменение, то о событиях 90-х гг. многие заговорили уже как о «революции». Огромное влияние на подобную оценку событий в России 1991–1993 гг. оказала работа Ш. Эйзенштадта [1999]. Он выделяет многообразие тех структурных принципов, возникающих в ходе взаимодействия символических, социальных и институциональных факторов, те критерии институциональных изменений в постреволюционных обществах, которые определяют разнообразие типов революций и различие достижений в результате их свершения. Р. Саква выдвигает более смелый тезис о том, что революции 1989–1991 гг. в странах соцлагеря положили конец не только революционному циклу, связанному с Октябрьской революцией в России 1917 г., но и определили новое историческое явление – антиреволюционные революции 1989–1991 гг. И август 1991 г. в России оценивался им как «антиреволюция, отрицающая традиции классической революции» [Саква, 1998. С. 26, 34].

Уже в работе «Десять лет после августа» о событиях 90-х гг. М. А. Краснов, Е. Г. Ясин, В. П. Данилов говорили как о «революции» [Десять лет после августа, 2002; Данилов, 1999. С. 11–28]. Однако, употребляя термин революция, авторы тут же указывали на явные особенности и отличия протекающих процессов в современной России от марксисткого понимания революционной ситуации. Так, о сложности определения даты свершения демократической революции в России 1991–1993 гг., отсутствии субъекта и движущих сил, маргинальности ее содержания говорил М. А. Краснов [Десять лет после августа. 2002. С. 57] Поскольку, по мнению А. А. Нещадина, события 1991–1993 гг. в России были в значительной мере спровоцированны, то называть их революцией тяжело – очевидно, речь в этой ситуации может идти о путче и антипутче, которые затронули Москву [Там же. С. 54–55]. Рассуждая о существенности и плодотворности для России революции 1991–1993 гг. по сравнению с Октябрьской революцией 1917 г., Е. Г. Ясин утверждал, что «эта революция фактически реализовалась в форме реформ» [Там же. С. 137–138]. Такая неоднозначность в описании конкретных исторических событий подчеркивала не-

определенность в представлении о процессе реформирования в современной России.

С. А. Ланцов, В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер, Я. В. Юхлер, А. Г. Володин описывают события в России 90-х гг. как процесс модернизации. Причем, оценивая достижения этого процесса, исследователи расходятся в итоговых оценках – как в прогрессивном прорыве к правовому государству и гражданскому обществу, так и в «инверсии» к разрушению государственных структур децентрализацией, обусловившей снижение цивилизационного потенциала России (социальная агрессия, криминальность, аномия) [Ланцов, 2001; Юхлер, 2002; Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996].

С легкой руки П. Штомпки, определившего трансформацию в широком смысле слова как «синоним того, что мы ранее обозначили как «изменение чего-либо» [Штомпка, 1996. С. 40], понятие стало употребляться достаточно широко современными исследователями наряду с такими классическими категориями, обозначающими социальные изменения, как революция, эволюция, реформа, модернизация. Все же осуществляемые изменения правящей элитой России после 1993 г. официально в СМИ объявлялись реформами, поэтому многие исследователи называли их радикальными по масштабу своего осуществления. Однако, столкнувшись в конце XX в. с феноменом непрогнозируемых, неуправляемых реформационных процессов в социальном пространстве, Т. И. Заславская, В. И. Карасев, М. С. Ельчанинов и др. стали их описывать, используя понятие «социальная трансформация», применяемое в анализе динамики социальной структуры общества.

Понятие трансформации, по мнению Т. И. Заславской, включает следующие существенные признаки, отличающие ее от других типов социальных изменений: 1) постепенность и относительно мирный характер протекания; 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества; 3) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 4) слабая управляемость процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредсказуемость его итогов; 5) неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых. Социальная трансформация реализуется через изменение: а) системы базовых общественных институтов, б) социальной структуры, в) человеческого потенциала [Заславская, 2002, 2003. С. 445–446]. Несомненно, что социальная синергетика как методология исследования трансформационных изменений в социальной структуре, становится популярной [Ельчанинов, 2003. С. 21–30].

Сегодня бесспорным признается тот факт, что причинами, усиливающими нестабильность и непредсказуемость конечных результатов реформирования, является сама динамика социально-трансформационной структуры общества. Говоря о движущих силах трансформации российского общества, Т. И. Заславская выделяет изменение трех взаимосвязанных характеристик общества: институциональной структуры, социальной структуры и человеческого потенциала. Она акцентирует внимание на то, что «прямым и непосредственным результатом реформ является изменение общественных институтов. Однако, взятое само по себе, оно служит лишь внешним проявлением социальной трансформации общества. Подлинный же и наиболее фундаментальный ее результат состоит в преобразовании социальной структуры, поскольку жизненные интересы классов, слоев и групп концентрируются именно здесь» [Заславская, 2003. С. 65].

В самой коммуникативной модели процесса реформирования очень важно выделить социальные группы, на первый взгляд кажущиеся пассивными, но которые могут активизироваться в непредсказуемых направлениях и проявить социальную агрессию. Говоря о субъекте деятельности трансформационного процесса, необходимо понимать, что мировоззренческие установки или видение новых социальных норм поведения в процессе того или иного социального изменения влияют на группы социальных субъектов. Активизируясь или становясь пассивными, они начинают прямо или косвенно влиять своей деятельностью на изменение в базовых социальных институтах, являясь в социальных коммуникациях источником жизнеспособности видоизмененного реформированного социального объекта. Деятельность акторов

социально-трансформационной структуры прямо или опосредованно воздействует на изменения отношений собственности, изменения в предпочтениях политических, моральных и культурных идеалов, изменения семейно-брачных отношений, отношений в экономической деятельности.

Несомненно, анализ динамики социально-трансформационной структуры общества позволяет увидеть причины, порождающие неопределенность в управлении реформированием. То как социальный субъект опосредует в своем сознании процесс реформирования социального объекта, как воспримет его новое качество, зависит, становится ли он актором в процессах социальных изменений, вызванных реформированием, или нет. В этом случае реализация в деятельности актора измененного отношения будет непосредственно изменять социальный институт. А сознательное воздействие акторов на макроуровне социума, несомненно, будет определять выбор сценариев развития России. Для современного социально-философского знания важно сформулировать модели динамики реформационных изменений в контексте исследований социальной коммуникативности в механизмах трансформационной структуры общества, что позволит увидеть причины, порождающие неопределенность и неуправляемость реформированием.

Список литературы

Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис, 1993, № 1.

Российская газета. 2004. 26 марта. № 62.

Гордон Л. А. Общество «недовольных». Особенности массового сознания в переходный период // Полис. 1998. № 3. С. 32–48.

Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации Фонд «Либеральная миссия». М., 2002. 246 с.

Данилов В. П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М.: МШСЭН, 1999. 248 с.

Диев В. С. Риск и неопределенность: философско-методологический дискурс // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия и право. Т. 2, вып. 1. 2004.

Ельчанинов М. С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социс. 2003. № 8.

Заславская Т. И. Общество и экономика. 2003. № 6. С. 65–84.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело. 2002, 2003. 582 с.

Профиль. 2005. 11 апр. № 13.

Пути России: существующие ограничения и возможные варианты: Материалы 11 симпозиума МВШСЭН // Социс. 2004. № 5.

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В. В. Ильина. М., 1996.

Ланцов С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. 2001. № 3.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. Акад. Наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова: 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. С. 678.

Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 гг. // Полис. 1998. № 5.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском, чешском языках / Под ред. Г. Осипова. М.: Изд. группа ИНФРА; Норма, 1998. С. 304.

Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и дополн. М.: Республика, 2001. С. 491.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона; под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс. 1999. 486 с.

Юхлер Я. Достаточно ли модернизации? // Социс. 2002. № 8.

Материал поступил в редколлегию 12.12.2006